

¹⁵ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996; *Он же*. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.

¹⁶ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989.

¹⁷ Келли Д. Р. Интеллектуальная история и культурная история: внутренняя и внешняя: Реф. обзор / Т. В. Виноградова // РЖ. Науковедение. 2003. № 2. С. 66–77.

¹⁸ Франция – память: Сб. / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж, Мишель Винок; Пер. с фр. Д. Хапаева; Науч. конс. Н. Копосов. СПб., 1999.

¹⁹ Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002. С. 6.

²⁰ Burke P. Popular culture in Early Modern Europe. L., 1978; *Idem*. The Italian Renaissance. Culture and Society in Italy. Cambridge, 1987; *Idem*. The French Historical Revolution. The Annales School, 1929–1989. Cambridge, 1990.

²¹ Skinner Q. Foundation of Modern Political Thought: 1–2 vol. Cambridge, 1978; *Skinner Q.* Visions of Politics: 1–3 vol. Cambridge, 2002.

А. Ю. Ануфриева

Историческая семиотика Ю. М. Лотмана

Вторжение философских концепций в работу историка характерно для XX в. Среди философских направлений, оказавших наибольшее влияние на историческую науку во второй половине XX в., можно назвать структурализм, постструктурализм и их многочисленные ответвления и вариации (например, «деконструкция» Дерриды или семиотика)¹.

Это имело свои негативные последствия, о которых много говорится в последнее время: «дробление» истории, появление множества «заумных» исследований, принесение «самости» (самодентификации) истории в жертву идолу междисциплинарности. Однако нельзя не сказать и об очевидных плюсах активного использования историками философских идей: расширение поля исследований и понятийного аппарата, новый взгляд на человеческую личность, появление оригинальных методологий.

Среди вышеперечисленных философских направлений структурализм предлагает интересную и перспективную научную методику, интересную в том смысле, что она придерживается идеалов «точности и эксплицитности» (в отличие от «интуитивного интерпретаторства»), столь характерного для постмодернизма). Структурализм, в отличие от постструктурализма, считает возможным получение объективных знаний о действительности и пытается найти единые принципы, по которым функционирует любая система – общество, язык, мысль и т. п.

Структурализм возник как лингвистическая теория в работах выдающегося лингвиста Ф. Соссюра, где он характеризовал язык как систему и утверждал, что значения в языке не связаны с внешней реальностью. В дальнейшем понятие системы стало применяться не только к языку, но и к любым другим явлениям культуры. В работах К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ж. Лакана, У. Эко структурализм получил дальнейшее развитие.

С начала своего возникновения структурализм был тесно связан с языковым анализом и семиотикой. Связь с лингвистикой обусловлена тем, что структуралистское мышление рассматривает «все разнообразие культурных феноменов сквозь призму языка как формообразующего принципа», а связь с семиотикой – тем, что последняя изучает «внутреннее строение знака и механизмы означения...»².

В России одними из первых проблемами структурного анализа и структурализма вообще стали заниматься ученые, позднее объединившиеся в так называемую тартуско-московскую семиотическую школу, вдохновителем и идейным руководителем которой был Ю. М. Лотман. Интерес Ю. М. Лотмана к лингвистическому структурализму возник в 1950-х гг., когда он, «создавая докторскую диссертацию... стал... задумываться о применении его методов в литературоведении – как и о своеобразии такого применения»³. Это переросло рамки просто интереса и обусловило все дальнейшее творчество Ю. М. Лотмана.

Начало деятельности тартуско-московской школы можно отнести к 1962 г., когда в Москве состоялся симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Первый выездной семинар ее

участников был организован в 1964 г. в местечке Кяэрику недалеко от Тарту. В работе школы принимали участие такие известные ученые, как Б. А. Успенский, В. Н. Топоров, А. М. Пятигорский, А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов, Ю. И. Левин и др. Участников школы объединяла увлеченность новым научным направлением, которое привлекало еще тем, что не было догматичным по своему характеру и тем самым давало возможность вырваться из тесных рамок официальной науки. Темы изучения тартуско-московской семиотической школы были, по словам ученика Ю. М. Лотмана Б. Ф. Егорова, «грандиозным планом создания коллективного теоретического труда по семиотике вообще и по ее приложениям к различным областям культуры»⁴.

Первоначально объекты и методы исследований были ориентированы на литературоведение: «найти и описать язык везде, где это возможно»⁵. Однако сфера интересов участников школы расширялась очень быстро, так что скоро в нее вошла также и история. В исследованиях Лотмана историческая проблематика всегда была очень значима, что иллюстрирует характерное высказывание Юрия Михайловича: «Лично я не могу провести резкую черту, где для меня кончается историческое описание и начинается семиотика. Здесь нет противопоставления, нет разрыва. Для меня эти сферы органически связаны»⁶.

Уже в конце жизни у Ю. М. Лотмана появляется идея создания «исторической семиотики». В его понимании, историческая семиотика – это «анализ того, как представляет себе мир та человеческая единица, которой предстоит делать выбор (жизненный)... реконструкция различных этнокультурных типов сознания»⁷. Можно сказать, что историческая семиотика изучает мировоззрение конкретного человека в конкретную историческую эпоху.

Применение методов семиотики в историческом исследовании – своеобразное ноу-хау Ю. М. Лотмана⁸. О перспективности этого метода говорит то, что работы Ю. М. Лотмана пользуются известностью и популярностью не только в России, но и за рубежом. Как нам кажется, одной из работ, выполненных в русле «исторической семиотики», можно считать труд Ю. М. Лотмана «Сотворение Карамзина».

Целью этой книги, как заявил сам Ю. М. Лотман, является реконструкция личности Н. М. Карамзина. Даже труд свой Ю. М. Лотман назвал романом-реконструкцией. В своем исследовании он исходит из посылки, что человек, личность в течение своей жизни творит себя, более того, творит себя сознательно и в соответствии с неким планом, «как храм»⁹. В течение жизни человек переживает удачи и неудачи, которые меняют его отношение к первоначальному плану-идеалу. Он может отвергнуть то, что было раньше, и начать все с нуля, под воздействием жизненных обстоятельств его план-идеал может меняться. Таким образом, наличие «плана» предполагает возможность для реконструктора рассматривать личность как результат сознательного и волевого усилия. В то же время привнесение динамики жизни в исследование не позволяет изучать личность как некий «окончательный вариант», застывший музейный экспонат.

Итак, труд реконструктора состоит в воссоздании «плана» личности. Причем воссоздание не только того, что человек сделал, но и того, что «он отверг, не захотел сделать или хотел, но не смог»¹⁰. Для достижения этой цели Ю. М. Лотман использует анализ документов, записок, книг, заметок самого Н. М. Карамзина и его современников. Однако одного анализа мало, потому что источники – это «не жизнь, а лишь ее отпечатки, их еще предстоит оживить». Иными словами, по Лотману, исследователь должен сочетать несочетаемое – строгий научный метод ученого и интуицию, воображение писателя. К слову сказать, сам Ю. М. Лотман – искусный рассказчик. Его работы серьезны и интересны одновременно – сочетание, встречающееся гораздо реже, чем хотелось бы.

Один из способов «заставить заговорить камни» – это сопоставление, иногда совершенно неожиданное, фактов, почерпнутых Лотманом из исторических источников, художественной литературы, мемуаров и т. п. Так появляется совершенно новое освещение проблемы. В его работах получает неожиданный поворот, казалось бы, уже изученное, хорошо известное.

Так, например, до Лотмана никто не рассматривал «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина как псевдобиографическое сочинение, сознательно сконструированное и выполнявшее

определенные цели своего автора. Сопоставляя содержание «Писем», события и тенденции, происходившие в русской и европейской культуре, истории, мемуары, записки самого Карамзина и его современников, Лотман приходит к выводу, что эти цели – создание европейски просвещенного читателя. По замечанию Лотмана, «задуманная Карамзиным реформа должна была создать нового человека культуры»¹¹. Соответственно главную заслугу Карамзина, в частности для русской культуры, Ю. М. Лотман видит в «работе по “сотворению” профессионального литератора»¹².

Еще один излюбленный прием Лотмана – рассмотрение в исследовании различных срезов – культурологического, исторического, бытового и т. п. – одного явления. Так, например, обращаясь к Великой французской революции, он описывает ее проявления в быту (заседания в кофейнях и сами эти кофейни, отмена должности начальника королевской полиции и «пенсий на лунный свет», газетный бум); особенности культурной жизни Франции, порожденные революцией (ораторское искусство политиков, возрождение античного идеала гражданина, возвышенный тон будничной жизни, расцвет театральной жизни Парижа); политическое значение 1789 г. (становление конституционного режима, отмена привилегий дворянства, закат королевской власти). Кроме того, для Ю. М. Лотмана важно показать не просто отдельное, обособленное явление, но и взаимосвязь событий, происходящих в революционной Франции и в имперской России.

Таким образом, параллельно с реконструкцией личности Н. М. Карамзина неизбежно реконструируется и атмосфера эпохи, в которой он жил. Ю. М. Лотман не отпускает так просто любое лицо, появившееся в его повествовании. Перед нами проходит ряд «героев второго плана» – от императрицы Екатерины II, Павла I, русского посла в Лондоне графа С. Р. Воронцова до московского масона А. М. Кутузова, дворянской семьи Плещеевых или французского танцовщика Вестриса.

Широкий охват событий, богатая сюжетная канва дают Ю. М. Лотману возможность показать связь, переплетение судеб на первый взгляд далеких друг от друга людей. Весьма показателен в этом отношении пример В. Н. Зиновьева – русского дворянина, одна из сестер которого была замужем за бывшим фаворитом

Екатерины II Г. Орловым, а другая – за графом С. Р. Воронцовым, настроенным, мягко говоря, не очень дружелюбно к императрице. Таким образом, перед нами предстает единое историческое полотно.

Труд Лотмана по «восстановлению значения текста» можно сравнить с трудом героев повести Ж. Верна «Дети капитана Гранта», где три текста – на французском, немецком и английском языках – были повреждены и частично дополняли друг друга, иногда объясняя значение утерянного фрагмента, иногда подтверждая его.

Для дальнейших рассуждений необходимо еще раз подчеркнуть, что в своем исследовании Ю. М. Лотман рассматривает семиотику поведения, а для этого ему необходимо рассмотреть, какие поступки, жизненные ситуации и т. д. были значимыми в данном обществе. Собственно, именно в этом и заключается метод Лотмана – в поиске значений. Исследователь должен найти значимые точки, «семы», ключевые понятия в исследуемом материале и объяснить их смысл. Вопрос «что это значит?» – главный для семиотики.

Характерно отношение Ю. М. Лотмана к источнику как к написанному на другом языке. Так например, он пишет: «чтобы стать источником биографических сведений, “Письма”¹³ должны быть подвергнуты сложной процедуре дешифровки». Подобное отношение логично вытекает из лотмановского понимания исторического познания.

Историк в своих исследованиях неизбежно опирается на тексты, но тексты – это уже структурированная, а значит, субъективная, преломленная под определенным углом зрения реальность. Тексты подчиняются своим внутренним законам – закону построения сюжета, подбору фактов, логике временного развития и т. д. «Сама необходимость для историка опираться на тексты, а для текстов – пересказывать события по законам языковых и логических, риторических и нарративных конструкций связана с тем, что историческая реальность попадает в руки исследователя в заведомо деформированном виде»¹⁴.

Но и само понятие «факт» в исторической науке весьма проблематично. «Факт для него [историка] не исходная точка, а ре-

зультат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии – событии»¹⁵. Кроме этого, существует проблема интерпретации факта. Далеко не факт, что создатель текста имел в виду именно то, что понимает сегодня из текста современный читатель. «Необходима реконструкция кода... которым пользовался создатель текста, и установление корреляции его с кодами, которыми пользуется исследователь»¹⁶. Иными словами, необходим «перевод».

Чтобы «перевести» источник, нужно составить «словарь», используя другие источники, скоррелировать значение слов, событий, ведь оно неизбежно разное у исследователя и исследуемого, которых разделяют десятки, сотни, тысячи лет. Понять сознание другого, найти и проинтерпретировать значения его «кода» – вот главная задача исследователя.

В этом смысле семиотика предлагает действенный научный метод, который позволяет интерпретировать исторические факты, опираясь на законы познания действительности, независимые, как считают последователи этого подхода, от исследователя. В то же время он задает определенные границы человеческому познанию, т. к. исследователь тоже является «семиотическим» субъектом со своей системой представлений, ни в коей мере не претендующим на знание полной и объективной истины.

Структурализм является, конечно же, лишь одной из возможных систем представлений о действительности. Трудно было бы не замечать его недостатков, о которых впоследствии так много говорили постструктуралисты. Однако на фоне современного состояния науки хотелось бы еще раз отметить его импонирующее стремление к точности и доказательности и солидаризироваться с позицией Ю. М. Лотмана, для которого главным было «продвижение от ненауки к науке» и для которого структурализм «был дорог именно как наилучшая форма рациональной научности, достигнутая в XX веке»¹⁷.

¹ См.: *Caplan J. Postmodernism, Poststructuralism and Deconstruction: Notes for Historians* // *Central European History*. 1996. Vol. 22, nr. 3/4.

² Структурализм // Постмодернизм: энциклопедия. Минск, 2001. С. 804.

- ³ Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М., 1999. С. 105.
- ⁴ Там же. С. 120.
- ⁵ Успенский Б. А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 274.
- ⁶ Лотман Ю. М. Зимние заметки о летних школах // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 296.
- ⁷ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 350.
- ⁸ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб., 2001; Он же. Сотворение Карамзина. М., 1987; Он же. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
- ⁹ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 11.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 219.
- ¹² Там же. С. 199.
- ¹³ Имеются в виду «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.
- ¹⁴ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 341.
- ¹⁵ Там же. С. 336.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Цит. по: Гаспаров М. Л. Ю. М. Лотман: наука и идеология // Гаспаров М. Л. Избр. тр. Т. 2. М., 1997. С. 493.

В. В. Сухих

Возможности семантического подхода в определении этнической принадлежности археологических культур

Понять древнее мировоззрение и очертить линии его развития – задача колоссальнейшая, и существует немало преград на пути ее осуществления. Стоит отметить, что, пожалуй, ни в какие другие эпохи не было такого благоговения перед знанием и его носителями, как в первобытности и ранних земледельческих обществах. В эпоху, когда военные конфликты происходили редко, военный вождь еще не оттеснил вождя сакрального, а приоритет знания перед материальным оружием был бесспорен, так как знающие